

УДК 902/904 (574)

Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

«ЯРОСТНЫЕ ПТИЦЫ С ОГНЕННЫМИ ПЕРЬЯМИ»

В статье делается попытка идентификации фантастической птицы, помещенной на корону женщины, погребенной под курганом Тасарык в Восточно-Казахстанской области, исследовавшимся экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана. За основу взята реконструкция костюма женщины, выполненная в научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» под руководством К. Алтынбекова. В декоре короны, венчавшей голову погребенной, присутствуют два зооморфных образа – птица и сайгаки, организованные по принципу геральдической композиции, где центральным элементом является фигура феникса, а два других симметрично расположенных изображения – пара сайгаков. Дополняют корону подвески. Данная реконструкция является результатом кропотливого труда сотрудников лаборатории «Остров Крым». Она дополняет и расширяет имеющиеся представления об образе женщин эпохи раннего железа. Памятник датируется V–IV вв. до н.э. Полученные данные свидетельствуют о том, что древнему населению Восточного Казахстана и Алтая был известен образ феникса. Он связан с представлениями о вечной жизни и обновлении, а также, видимо, маркирует статус погребенной, которая могла выполнять определенные ритуалы. Головной убор из Тасарыка демонстрирует синтез традиций саков Жетысу и «пазырыкцев».

Ключевые слова: головной убор, корона, птица, полиморфное существо, пазырыкская культура

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-07

Введение

Статья посвящена краткому анализу образа феникса, являющегося центральным элементом головного убора женщины, погребенной в кургане Тасарык.

Курган Тасарык (рис. 1), обнаруженный в 2011 г. Т.Н. Смагуловым в ходе разведочных работ, был исследован в 2013 г. (Уржарский район, Восточно-Казахстанская область) экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана при участии археологов Т.К. Айлыбаева, Г.Ю. Пересветова, а также студентов из Государственного университета им. Шакарима г. Семей, проходивших под руководством А.И. Исина археологическую практику [Смагулов, 2018]. В средствах массовой информации и литературе погребенная женщина получила имя «Уржарская жрица» [Алтынбеков, 2018; Байтанаев, 2019]. На основе ^{14}C анализа памятник датируется V–IV вв. до н.э. (табл.) [Курган Урджар, 2018; Байтанаев, 2019]. Возраст погребенной женщины – 30–35 лет [Алтынбеков, 2018, с. 9].

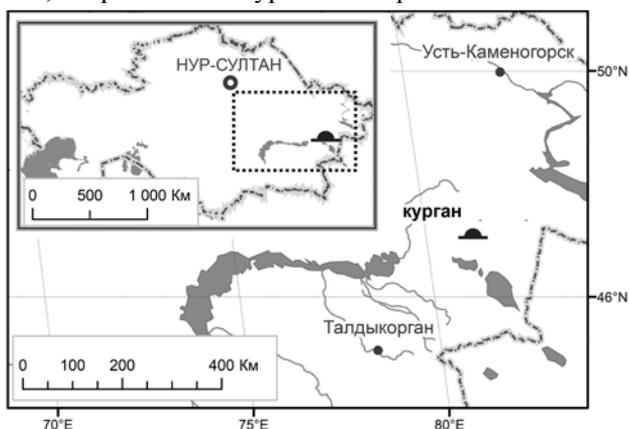

Рис. 1. Локализация кургана на карте Казахстана.

Карту подготовил М.А. Антонов

Результаты ^{14}C датирования образца из кургана Тасарык, проводившегося в лаборатории International Chemical Analysis (по: [Курган Урджар, 2018, с. 109])

Лабораторный шифр	Материал	^{14}C ВР	Калиброванная дата (Сигма 1, 68,2%)	Калиброванная дата (Сигма 2, 94,5%)
ICA-18W/0815	Дерево	2330,30	Cal BC 408–383	Cal BC 486–360

Материал исследования

Во время раскопок кургана в экспедицию был приглашен художник-реставратор К. Алтынбеков. В полевых условиях погребение было подготовлено к изъятию в виде монолита для дальнейшего изучения в лаборатории [Алтынбекова, 2017, с. 216]. На протяжении ряда лет сотрудниками научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» проводилась масштабная работа по воссозданию костюма погребенной женщины [Алтынбеков, 2018]. В ходе работы над возвращением из небытия образа представительницы древней культуры был использован опыт, наработанный за многие годы сотрудничества с археологами. К началу работы над реконструкцией облика женщины из Тасарыка у сотрудников лаборатории был колоссальный задел, полученный на основе изучения материалов из памятников: Иссък, Берел, Таксай [Алтынбеков, 2013; 2014].

Результат воссоздания костюма по материалам Тасарыка, несмотря на то что реконструкция всегда остается реконструкцией, тем не менее является воплощением огромного практического опыта К. Алтынбекова, визуализирующим образ представительницы ушедшей эпохи (рис. 2).

Рис. 2. Образ женщины по материалам кургана Тасарык. Реконструкция К. Алтынбекова. Фото О.Б. Белялова (по: [Байтанаев, 2019, рис. 8])

Описание элементов костюма. Головной убор включал парик, собственно головной убор и корону; составными элементами короны являются фигура птицы в центре, два стержня по сторонам от нее, два сайгака, подвески [Алтынбеков, 2018, с. 54–67]. Конусовидный головной убор с наверху украшен деревянными стержнями, оплетенными золотой лентой, с опахалом из тонких спиралек. Справедливо отмечено, что стержни с опахалом похожи на перо птицы и на раскрытый лист папоротника [Алтынбеков, 2018, с. 63]. В центре вертикальной композиции головного убора находится кованый железный стержень, скрученный спиралью, с золотым шаровидным навершием. Таким образом, в центре композиции находится фигура птицы на переднем плане и стержень с навершием за ней.

Ажурное в целом изображение птицы, столь характерное для предметов искусства пазырыкской культуры, отличается некоторыми необычными деталями (рис. 3). У птицы небольшая аккуратная головка с длинным крючковидно загнутым клювом, высокая изогнутая шея, выгнутая грудь; прорезью показан характерный округлый глаз. Ухо фантастической птицы листовидное, расположено на затылке, направлено назад. Вытянутые вверх ветвистые рога (или хохолок), венчающие аккуратную головку, скорее оленьи, отростки (три) оформлены в виде головок орлиных грифонов. Два поднятых вверх крыла птицы оканчиваются тонкими приостреленными перьями. Оперенье крыльев передано выступами в виде волн (правое) и длинными изогнутыми фигурами. Длинный высокий хвост с опереньем показан так же, как и хохолок (идентичные отростки). Ноги мощные, длинные, со шпорами и когтистыми пальцами. Тело птицы заполнено ажурными фигурами. В целом это такое компактное емкое изображение,

образ существа, хвост его уравновешивает хохолок, который обращен вперед, а не назад, что еще раз напоминает об оленьих рогах.

Анализ и обсуждение материала

В первую очередь фантастическая птица с короны, конечно, напоминает птицу, изображенную на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана (середина III в. до н.э.). Несмотря на различия в деталях (растительные элементы в оформлении хвоста, другая форма крыльев, более мощные и вычурные лапы, клюв более крупный), в целом фиксируется принципиальное сходство образов. Интересно, что декор в основании хвоста пазырыкского существа напоминает чешую, хвост более распушенный, делится на три крупных отростка [Руденко, 1953, табл. ХС; Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 4.9].

Форма крыла птицы из Тасарыка обнаруживает некоторые параллели и с крылом сфинкса, изображенного на ковре из Пятого Пазырыкского кургана, рога у которого тоже олени, присутствует мотив грифоновых головок [Руденко, 1953, табл. СХIV; Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 4.7]. Наблюдается сходство в передаче крыла:

у существ длинные первостепенные маховые перья (три у сфинкса и два – у птицы из Тасарыка) и загнутые боковые короткие второстепенные маховые перья. Форма перьев хвоста сфинкса такая же, как у второстепенных маховых нашей фантастической птицы. Хвосты у сфинкса и феникса из Пятого Пазырыкского кургана также имеют окончания в виде стилизованных головок грифонов.

Эти два персонажа ковра из Пятого Пазырыкского кургана, по мнению исследователей, передают сцену, когда отрицательный персонаж мифологии саков борется с птицей-фениксом, олицетворяющей в китайской мифологии счастье, спокойствие [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 151]. С.А. Яценко [1996, с. 154] считает, что персонажи, изображенные на малом войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана, – это «алтайский сфинкс» Луу и фэнхуан. Возможно, здесь китайские представления о Куньлуэ были модифицированы «пазырыкцами» в духе мифов о борьбе аримаспов и грифов в мифических горах. В той же могиле найдено китайское изображение фэнхуанов на шелковых тканях [Яценко, 1996, с. 155].

Использование головок орлиных грифонов в создании образов животных характерно для искусства пазырыкской культуры. Вот некоторые примеры такой трактовки зооморфных изображений древнекочевнического искусства:

Рис. 3. Курган Тасарык. Элементы головного убора. Рисунок Д.С. Джанабаева (по: [Байтанаев, 2019, рис. 6])

– рога оленя, декорировавшие спинку мужского кафтана из Второго Пазырыкского кургана (IV–III вв. до н.э.) [Руденко, 1953, табл. ХСП.-2; Полосьмак, Баркова, рис. 2.27];
– войлочные медальоны – украшения луки седла, декорированные головками грифона (курган №1, могильник Ак-Алаха-1, конец IV в. до н.э.; курган №2, могильник Башадар, IV – начало III в. до н.э.) [Полосьмак, 2001, рис. 145, 149; Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 3.19.-б, в];
– рога фантастических синкретичных существ на татуировке мужчины из Второго Пазырыкского кургана, мумии из кургана №1, могильник Ак-Алаха-3 (конец IV – начало III в. до н.э.) [Руденко, 1953, рис. 82, 83; Полосьмак, 2001, рис. 151].

Известна кожаная ажурная аппликация тигра с рогами оленя с мотивами головок грифонов из кургана №1 Туэкта (сер. V в. до н.э.) [Руденко, 1960, рис. 154.-к; Золотые олени Евразии, 2003, с. 49].

Более монументальные, не стилизованные цельные изображения орлиных грифонов – обязательный персонаж декора пазырыкской культуры: например, это декор конского снаряжения из Первого Пазырыкского кургана (IV–III вв. до н.э.) [Руденко, 1953, табл. XXXVIII]; кургана №1, могильник Ак-Алаха-1; кургана №1, могильник Ак-Алаха-3; кургана Кутургунтас (конец IV – начало III в. до н.э.) [Полосьмак, 2001, рис. 25; 26; 53; 54; 82 и др.], курганов №10 и 11, могильник Берел (IV–III вв. до н.э.) [Самашев, 2011, рис. 142, 345, 346, 355 и др.].

Распространен в декоре предметов из Пазырыка и мотив оленьих рогов, например украшение подпружного ремня из кургана №3 [Руденко, 1952, рис. 72; 1953, рис. 120], примеры использования мотива «олений» и «турий» рог в декоре древнего населения Алтая обобщил С.И. Руденко (Третий Пазырыкский курган, Шибинский курган) [Руденко, 1960, рис. 133].

Сочетание рогов оленя и голов орлиных грифонов – рога с отростками, стилизованными головами грифонов, венчают голову оленя – оковку закраины деревянного сосуда (IV в. до н.э.) из кургана №1, могильник Филипповка [Золотые олени Евразии, 2003, с. 23]. Вырезанная из кожи головка ушастого грифона с оленьим рогом из Четвертого Пазырыкского кургана перекликается с оформлением крыльев птицы из Тасарыка [Руденко, 1953, табл. LXXXIV.-1].

Декор с мотивом сайги известен в памятниках пазырыкской культуры [Руденко, 1960, рис. 138.-д, е, л-н; табл. LVIII; 1953, LXVII.-1, 2], в том числе это деревянные украшения узды из Пятого Пазырыкского кургана, бронзовая пластинка с изображением ланей-бубалов из Первого Туэктинского кургана.

В памятниках пазырыкской культуры образ полиморфного существа, в том числе сочетающего признаки птицы (петуха), орлиного грифона, также хорошо известен.

Так, на могильнике Берел в Казахском Алтае на седельном покрытии из кургана №10 помещены изображения грифонов [Самашев, 2011, рис. 29], но хвост у этих птиц более похож на петушиный, как у птиц (петухов) из Второго Пазырыкского кургана (IV–III вв. до н.э.) [Руденко, 1960, рис. 135.-а, б]. Возможно, с этой двойственной сущностью полиморфного существа связана двухцветность изображений этих фантастических птиц – голубой и красный цвет [Джумабекова, Базарбаева, 2019].

Декор седла из кургана №11 могильника Берел [Самашев, 2011, рис. 390] представлен двумя вереницами шагающих пятнистых грифонов (пятна – раскраска туловища как у барса), о чем говорят пламевидные отростки гребня по всей шее и хищный характерный клюв, отсутствие петушиных сережек, такая же форма хвоста прослеживается у ряда изображений грифонов пазырыкской культуры [Руденко, 1960, рис. 145; Полосьмак, 2001, рис. 131] (курган Кутургунтас). Среди изображений из восточных регионов скифского мира выделяется специфический образ птицы с ушами, хохолком и гребнем,

т.е. элементами, которые скорее характеризуют грифонов. В кургане №1 могильника Ак-Алаха-3, в декоре конского снаряжения в виде фигурок орлиного грифона такие же, как у существ на седельном покрытии из кургана №11 могильника Берел, характерные выступы гребня [Полосьмак, 2001, рис. 60]. Тем не менее, как у предыдущих образов, признаки петухов здесь тоже просматриваются. По этому поводу Ю.Б. Полидович [2014/2015, с. 174] считает, что изображения птиц, которых исследователи обычно обозначают как петухов, в древности могли восприниматься и как изображения некоего мифического существа, близкого к птице-грифону, в том числе и из кургана №11 могильника Берел.

Ю.Б. Полидович [2014/2015, с. 174] сходные изображения птиц из Кутургунтаса и кургана №1 могильника Ак-Алаха-3 называет полиморфными существами третьего уровня – птице-грифонами.

Изображения фантастических птиц, декорирующие седельное покрытие из кургана №11 могильника Берел, имеют черты, действительно, делающие их похожими на петуха. Еще С.И. Руденко выделил изображения петухов, указывая на их примере на «одновременное бытование различных стилей и изображений животных». Он отметил стилизацию изображений петухов, помещенных на ременную полосу или глиняный кувшин из Второго Пазырыкского кургана (конец IV – начало III в. до н.э.) [Руденко, 1952, с. 186, рис. 100.-а, б]. Их отличают, в частности, преувеличенные размеры гребня, оформление хвоста, прорези на теле. Стилизованы изображения петухов, декорировавших саркофаг-колоду из Первого Пазырыкского кургана [Руденко, 1952, с. 186, рис.-в-д].

Н.В. Полосьмак считает, что правы исследователи, которые, например, изображения птиц на колоде из Первого Пазырыкского кургана называют и петухами, и фениксами: образы петуха и феникса неразделимы по своей семантике и художественному воплощению. Возможно, образ феникса был заимствован на Алтае из искусства Древнего Китая, наложение образов петуха и близкого ему «феникса» в пазырыкском искусстве связано, вероятно, с древнекитайской культурой. Это вопрос о взаимоотношениях земледельческой цивилизации и кочевого общества [Полосьмак, 1994, с. 95–96].

Вероятно, птица – кожаная аппликация на детском костюме из кургана №1, могильник Уландрык-II (IV–III вв. до н.э.) [Кубарев, 1987, с. 85, рис. 30], а также грифоны с курганов Укока (войлочный «медальон» с грифоном – украшение луки седла и декор войлочной рыбы – подвески от седла из могильника Ак-Алаха-1 (курган №1) [Полосьмак, 1994, рис. 51–53, с. 49; 2001, рис. 3.11; 3.19а]) – это алтайский вариант синкретичного существа, который совмещает черты грифона и феникса [Шульга, 1999, с. 90–91]. На войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана размещено среднеазиатское его изображение. По мнению П.И. Шульги [1999], сложные изображения лотоса и петухов не характерны для искусства Алтая, скорее для областей, расположенных к югу от Алтая.

Ю.Б. Полидович выделяет феникса в ряду полиморфных существ первого уровня, среди образов фантастических птиц. Он также считает, что их внешний облик, характерными чертами которого являются небольшой клюв, своеобразные хохолок и крылья, стройные ноги с широкой лапой и часто со шпорой, пышный хвост, перекликается с образом петуха [Полидович, 2014/2015, с. 153]. Образец феникса также птица, вышитая на чесучовой ткани, из Пятого Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, табл. СХVIII] и фантастическая птица на войлочном ковре из того же кургана, где она воспроизведена в сцене схватки [Полидович, 2014/2015, с. 153].

Н.В. Полосьмак отмечает, что феникс, изображенный на ковре из Пятого Пазырыкского кургана, не имеет аналогий в пазырыкском искусстве, на культуру «пазырыкцев» оказало влияние древнекитайское искусство [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 151].

Анализируя изображения петухов в пазырыкской культуре, Л.Л. Баркова [2015, с. 155] предполагает, что петух одновременно выступает как представитель земной части мира и как существо, связанное с небесной структурой, как символ солнца, которое представлялось «пазырыкцам» в образе оленя, коня, петуха.

О фениксе в Гелиополе сообщает Геродот [II, 73], в частности описывает, что его оперение частично золотистое, частично – красное, он похож на орла.

Есть сведения, что китайский термин для названия феникса состоит из двух слов: фэн – феникс-самец и хуан – феникс-самка, птица фэнхуан соотносится со стихией огня. В «Каноне гор и морей» сообщается, что фениксы обитают на волшебных деревьях, дарующих бессмертие и приносящих самоцветные плоды на горе Куньлунь, где стоял дворец легендарного Хуан-ди. Феникс является воплощением спутника правительницы мифического царства на западе – Сиванму (Западной царицы-матери), в горах Центральной Азии. Там же жила мифическая птица луань, от соединения фэн'а и луаня рождались птенцы [Решетов, Интернет-ресурс, с. 289].

Феникс связан с женским началом в китайской традиции: так, выражение «фэн цю» переводится как «выбирать себе жену», а «фэн гуань» – парадный головной убор женщины в виде изображения феникса, который до династии Мин (1368–1644) носили только аристократки. Начиная с эпохи Мин его носили невесты всех сословий [Решетов, Интернет-ресурс, с. 289–290]. По мнению Е.Н. Филимоновой [2004, с. 61]: «женские головные украшения, брачные шапки в Китае, изображали летящего феникса». Противовес фениксу – мужское начало – дракон, с которым феникс образует неразрывный образ. Свадебная диадема в традиционной культуре Китая имела вид феникса, что обусловлено его символикой – благоденствия, благородства и добродетельности [Дракон и Феникс в китайской культуре]. Золотые птицы (в особенности «фениксы») встречаются в головных уборах у танских дам [Шефер, 1981, с. 333].

Однако представление о паре фениксов, а также паре – дракон и феникс, когда феникс становится благопожелательным символом, характерно для более поздних сюжетов. Для характеристики образа феникса выделяется две группы: 1) местонахождение феникса ассоциируется с такими категориями, как восток или юг, солнце и огонь; 2) связь с западными землями (Западные земли внутри морей и Великие пустыни Запада). Кроме того, с фениксами также связано Дерево Бессмертия. Характерно, что петух – одна из птиц, которую также можно рассматривать в сложении анализируемого образа: «петух, павлин, фазан и мифическая красная/киноварная птица» [Чистякова, 2007, с. 187–188].

Феникс ассоциировался с ритуалом поклонения Солнцу, его образ был связан с вечной жизнью, постоянным обновлением. Почитание феникса, волшебство его качеств также, возможно, связано с тем, что едой ему служат семена бамбука, а не насекомые, а питьем – вода из чистого родника. Он символизирует тепло [Филимонова, 2004, с. 59].

О контактах «пазырыкцев» с Китаем свидетельствуют находки в пазырыкских курганах, например колесница, обтянутый шелковой тканью чепрак из Пазырыка (курган №5) [Гаврилова, 1996, с. 95–96]. В настоящее время имеются доказательства лишь косвенных, опосредованных контактов чжоуского Китая с «пазырыкцами» [Яценко, 1996, с. 157]. Все шелковые пазырыкские ткани изготовлены в Южном Китае, прослеживается определенное влияние на культуру «пазырыкцев» древнекитайского искусства [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 137, 151]. По мнению С.А. Яценко, китайско-пазырыкские специфические соответствия могут быть объяснены как заимствованием китайской иконографии при явном знакомстве с мифологией, так и наоборот – заимствованием иконографии для воплощения

местных сюжетов, а также заимствованием китайцами некоторых образов кочевого искусства [Яценко, 1996, с. 157]. Среди последних по времени свидетельств контактов населения Алтая и Китая можно назвать результаты исследования лакокрасочного покрытия артефактов из могильника Чинета-II. Они показали, что лаковые изделия из курганов №21 и 31 могильника Чинета-II в Северо-Западном Алтае, как и остатки лаковых предметов из погребений Второго Туэктинского кургана и курганов №3–5 могильника Пазырык, курганов №1 и 4 могильника Бугры из предгорий Алтая, поступали к кочевникам из Древнего Китая [Дашковский, Новикова, 2017, с. 125]. Выявленные остатки лакокрасочного покрытия из этих памятников показали сходство с китайскими образцами и между собой.

Образ феникса известен и в Средневековье: анализируя образцы средневековой торевтики Алтая, Г.Г. Король и Л.В. Конькова выделяют в серии предметов с зооморфным декором группу хищные «птицы», в которой объединены изделия с изображением «птиц-фениксов» и грифона (?). Любопытно, что птицы-фениксы связаны с растительностью – изображены в геральдическом противопоставлении у символического процветшего «древа», например на бляхе из коллекции Фролова из Эрмитажа. Выявлено два иконографических варианта мотива «птица-феникс» в раннесредневековом декоративно-прикладном искусстве Саяно-Алтая: хищная птица с приподнятыми или распахнутыми крыльями, характерная для искусства Китая; петух (утка) со сложенными крыльями и поднятым пышным хвостом птиц семейства фазановых. Возможно, классическая (китайская) иконография феникса попала в саяно-алтайский регион через Восточный Туркестан. Близкие изображения IX–X вв. известны на Алтае, в Кузнецкой котловине, Семиречье/Жетысу. Как и для ранних кочевников, варианты мотива «птица-феникс» в декоративно-прикладном искусстве Саяно-Алтая демонстрируют синкретизм искусства кочевников [Король, Конькова, 2012, с. 150–151].

Образ другого животного с короны погребенной женщины из Тасарыка – сайги, антилопы вообще – довольно распространенный мотив в искусстве ранних кочевников, встречается и на западе Казахстана, и на Алтае, в Сарыарке.

Е.Ф. Королькова [2006] в табл. 13, 14 приводит многочисленные изображения антилоп. Сайга или лосиха – на колоде Второго Башадарского кургана (IV–III вв. до н.э.), пронизь в виде головы сайги из Минусинской котловины, бронзовая пластина с изображениями сайгаков из Первого Туэктинского кургана (середина V в. до н.э.), окончание псаля в виде головы сайгака из Пятого Пазырыкского кургана, пронизь в виде головы сайги из Третьего Пазырыкского кургана, пронизь в виде головы сайгака из Третьего Пазырыкского кургана, уздечная подвеска в виде головы сайгака из Пятого Пазырыкского кургана [Королькова, 2006, табл. 14.-8, 9, 12–16; Руденко, 1953, рис. 90; табл. LV.-2, 3; табл. LXVII.-1].

Парные изображения животных или их голов также нередки: могильник Юстыд-II, курган №21 (IV в. до н.э.), пластина-накладка из Филипповского кургана №1 в Южном Приуралье (V–IV вв. до н.э.), парные головы сайги – украшения конского снаряжения, коллекция Фролова, Алтай; из могильника Тулхар; пряжка из с. Журовка, Приднестровье. Накладка на верхний подпружный ремень, вырезанные из кожи украшения седла из Пятого Пазырыкского кургана с изображением двух голов сайгака [Королькова, 2006, табл. 14.-18; табл. 13.-10, 20–23; Руденко, 1953, табл. CV.-3].

Изображения сайгаков известны в материалах могильника Филипповка, например, золотые пластины – оковки деревянного сосуда с изображением охотящегося на сайгаков всадника (курган №1) [Пшеничнюк, 2012, рис. 160].

Можно назвать также золотую пронизь в виде головы сайгака из Тургая [Артамонов, 1973, ил. 33; Королькова, 2006, табл. 14.-5]; пронизь в виде запятой (клюва, ког-

тя) из Жалаулы (Жетысу), заполненную сценой терзания хищником копытного (конец VII в. до н.э.) [Тасмагамбетов, 2003, с. 186].

Из раннесакских нужно отметить также бронзовую бляху из Северо-Восточной Сарыарки (Павлодарское Прииртышье) (VII–VI вв. до н.э.) [Акишев, 1976, табл. I.-4; с. 188], где три «пантеры» окружили сайгака; золотую бляху с изображением сайгака из могильника Кызылшилик, курган №2, и золотую ворворку, декорированную изображениями восьми голов сайгака, из могильника Талды-2, курган №5 в Сарыарке (VII–VI вв. до н.э.) [Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2015, цв. ил. 6.-2; цв. ил. 5.-3]. Подвески из комплекса Каинды (Костанайская обл.) (VIII–VII вв. до н.э.) представляют собой сильно стилизованные зооморфные изображения рогов, вероятно, сайгака [Сеитов, 2015, рис. 1.-6].

Один из ранних образцов – золотая конусообразная ворворка от ремня, украшенная рельефом с изображениями восьми сильно стилизованных голов животных, козлов или сайгаков из кургана Аржан-2 (середина – 2-я половина VII в. до н.э.) [Чугунов, Парцигер, Наглер, 2017, табл. 14.-9; 42.-3].

В памятниках Западного Казахстана, в частности, известны костяная ложечка с резным изображением волка, орла и головы сайги из могильника Сынтас, курган №1; черенок ложечки из того же могильника, курган №2, увенчанный барельефным изображением головы сайги (конец VI – V в. до н.э.) [Кадырбаев, Курманкулов, 1976, с. 137–156, рис. 12.-1; 15]. Е.Ф. Королькова [2006, табл. 13.-11] называет бляху из с. Золотушинское, Нижнее Поволжье, и пронизь из могильника Бесоба, курган №5 (V в. до н.э.) [Королькова, 2006, табл. 13.-12].

Противопоставленные головы сайгаков – декор поясных обоем из кургана 5 могильника Кичигино-I [Таиров, 2015, рис. 3.-2, 3], бляха – сайгак в летящем галопе из кургана №66 Южного Тагискена, бронзовый костылек-застежка с головой сайги на конце [Таиров, 2015, рис. 3.-8] присутствуют в коллекциях, полученных при изучении памятников в азиатской части степей Евразии, датируемых 2-й половиной VII – серединой VI в. до н.э. Среди них наиболее ранним является курган Аржан-2, а поздним – курган №5 могильника Талды-2. Хронологически среднюю позицию между ними занимает Кичигино [Таиров, 2015, с. 316; Яблонский, 2017, рис. 4.-15].

Кроме материалов из кургана Тасарык, образ сайгака присутствует в декоре деревянных наконечников из могильника Ак-Алаха-3 (курган №1). Эти предметы покрыты золотой фольгой и расположены по краям композиции. Они содержат изображение головы фантастического существа с загнутым клювом грифона и рогом сайгака, выполненное в технике художественной резьбы [Полосьмак, 2001, с. 153; рис. 101; Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 2.44.1, с. 72]. В основании конструкции головного убора женщины из могильника Ак-Алаха-3 – фантастический олень с раздвоенным туловищем, рогами козерога. Наконечник на темени венчала железная шпилька с фигуркой оленя на шаре. Навершие парика было украшено скульптурными изображениями птичек, выполненными из дерева, – по мнению специалистов, вероятно, лебедями [Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 2.43–2.46; с. 72].

Ареал сайгака в древности был обширным – от Европы до Аляски. К XVII–XVIII вв. он уменьшился – от предгорий Карпат до Монголии и западной части Китая. Северная граница территории обитания ограничивалась Барабинской степью.

В настоящее время существует пять популяций сайгака: четыре популяции *S.t. tatarica* – Северо-Западный Прикаспий (Россия), Уральская (Казахстан, Россия), Устюртская (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан), Бетпакадалинская (Казахстан) и одна популяция *S.t. mongolica* (Монголия). Шестая популяция сайгака, *Saiga tatarica*,

обитала на северо-западе Китая и в прилегающих районах Юго-Западной Монголии, исчезла в 1960-х гг. [Конвенция, 2015, с. 7].

Встречаются природные комплексы, участки, на которых сосуществуют сайгаки и папоротники, они характеризуются сложным рельефом и разнообразными экологическими условиями: например территория у соленого оз. Баскунчак и горы Большое Богдо [Баскунчак, 2012]. На территории Наурзумского национального природного заповедника в Костанайской области также среди образцов флоры и фауны называются папоротник и сайгаки [Папоротник, интернет-ресурс; Фауна Наурзумского заповедника, интернет-ресурс; Наурзумский государственный... интернет-ресурс]. Такие участки есть в Поволжье (Самарская область) [«Затерянный мир» Поволжья].

Папоротник проходит определенные этапы в своем развитии: сначала стебель папоротника растет под землей, листья, начав формироваться весной (вайи), подрастают, напоминают улитку, затем разворачиваются и становятся похожими на крючок. Побег словно скручен и постепенно разворачивается. Папоротник не цветет, а размножается при помощи спор [Замятина, интернет-ресурс]. Возможно, поэтому, не понимая, как он размножается, люди относились к нему по-особому. Может быть, возникла некоторая ассоциация с непонятым способом размножения папоротника, его разворачиванием листьев, с сущностью феникса? Но принимать точку зрения, что здесь, по сути, изображены сайгаки, лежащие в зарослях папоротника, с фениксом в центре [Алтынбеков, 2018], надо с осторожностью.

К. Алтынбекову удалось выяснить, что у погребенной в кургане Тасарык был парик в виде скрученных из двух прядей кос. Волосы на коже головы погребенной женщины отсутствовали, возможно, голова была обрита [Алтынбеков, 2018, с. 58]. В этом наблюдается сходство с выявленными в курганах пазырыкской культуры женскими прическами и головными уборами.

Предполагается, что в сцене на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана изображенная женщина-богиня с цветущим мировым деревом в руке была обрита. Эта женщина, по мнению исследователей, – «великое солнечное божество, от которого все произрастало, оплодотворялось, рождалось» [Баркова, 1998, с. 141; Полосьмак, Баркова, 2005, с. 146]. Судя по погребению женщины из кургана №1 Ак-Алаха-3 и др. [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 2], женщины пазырыкской культуры носили парики, надетые на обритую голову.

Это же предположение высказывалось относительно женщин в сцене на пластине «Отдых под деревом» [Руденко, 1962, табл. VII.-1, 7]. Изображения этих женщин также сопровождаются растительными мотивами, подчеркивающими их сущность.

Определенную параллель головному убору из кургана Тасарык представляют материалы женского погребения кургана №15 из могильника Ханкаринский Дол (Северо-Западный Алтай, IV – начало III в. до н.э.). Три зоны головного убора по вертикали маркируют изображения определенных животных: оленя с рогами горного козла, горных баранов, грифона [Дашковский, Усова, 2010]. В центре правой стороны головного убора находилась растительная композиция из листового золота, однозначно указывающая на символическую роль женщины, связанную с жизнью, плодородием.

К. Алтынбеков [2018, с. 60] справедливо указывает на сходство короны погребенной женщины из кургана Тасарык с Золотой короной I в. н.э. из Тиллятепе. Геральдическое расположение копытных животных относительно центрального элемента головного убора или короны широко известно по археологическим материалам: Ак-Алаха-3, курган №1 (III в. до н.э.); диадема из кургана Хохлач (2-я половина I – начало II в. н.э.), Кобяковского

кургана (I в. н.э. – начало II в. н.э.) [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 72–74; Засецкая, 2011; Гугуев, 1992]. Относительно диадемы из кургана Хохлач существует мнение Л.С. Клейна [2013, с. 636], указывающего, что, возможно, центральное дерево было выделено тем, что к нему обращены фигурки оленей с двух сторон, но это реконструкция.

Видимо, аналогичные композиции включают в себе идею постоянного возобновления жизненного цикла, а также связаны с такими категориями, как модель мира; связь мирового древа и женского персонажа [Гугуев, 1992, с. 119; Вдовченко, Ли Джы Ын Пусан, 2018, с. 85].

О том, что головной убор с короной погребенной под курганом Тасарык женщины заключал в себе символику жизни, плодородия, вероятно, свидетельствует и присутствие красного цвета: головной убор изготовлен из китайского шелка **красного** (выделено нами. – *Авт.*) цвета, конусовидный колпак покрыт шелком синего цвета [Алтынбеков, 2018, с. 32, 58]. Следует отметить, что, несмотря на наличие конуса в головном уборе, в отличие от вертикально закрепленной косы, встречающейся у погребенных представительниц Алтая и Тувы [Кисель, 2018], у женщины из кургана Тасарык реконструирован парик в виде двух кос из растительных волокон.

Заключение

Таким образом, возможно, в результате контактов и взаимовлияния или взаимозаимствований кочевников и китайцев на территории Восточного Казахстана, как и на Алтае, древнему населению был известен образ феникса. Он связан с декором парадного женского головного убора, с представлениями о вечной жизни и обновлении, что не противоречит идее связи женского начала с мировым деревом с плодами бессмертия или деревом бессмертия. Два сайгака по сторонам от центрального элемента композиции здесь вполне логичны и соотносятся в целом с животными на накосниках из могильника Ак-Алаха. Не конкретизируя детально статус погребенной женщины из Тасарыка, тем не менее, можно говорить о выполнении ею ритуалов, связанных с плодородием, обновлением природы. Сам же головной убор погребенной в кургане Тасарык демонстрирует, возможно, синтез традиций саков Жетысу и населения пазырькской культуры. Вероятно, как высказался о сходстве погребений из кургана Иссык, Пазырька и могильника Локоть-4а П.И. Шульга [2003, с. 120], это может объясняться и принадлежностью погребенных к служителям определенного культа.

Использование растительных элементов в декоре женских украшений как символа жизни, плодородия сохранилось до Нового времени у народов Казахстана и Средней Азии, как и изображений птиц и перьев для украшения девичьих головных уборов. Применялись для этого перья утки, курицы, селезня, сокола, филина, фазана. Фиксируется предпочтение определенных птиц у оседлых (фазан, павлин, петух) и кочевых народов (филин, ястреб, сокол, беркут) [Кармышева, 1989, с. 28; Ишбулдина, 2013, с. 240]. Перьями украшали и свадебные головные уборы казахских девушек – саукеле [Прищепова, 2011, с. 37, 198, 200]. Именно в возрасте 7–13 лет, когда начиналось раздельное воспитание девочек, они начинали носить шапочку – такия, украшенную перьями филина. Касаба – шапочка, которую надевала на смену саукеле молодая жена, тоже могла быть украшена перьями. Считалось, что перья обладают магической, оберегающей силой. Т.е. перья в декоре головного убора характерны для девочек, девушек, женщин определенной возрастной категории. Вероятно, символика птиц и дерева (растительных элементов) в декоре головных уборов в основном сохранилась в культуре кочевников. Первоначально форма высокого головного убора, его декор и цвет, вероятно, маркировали статус женщины – не только девушки и молодой женщины, но служительницы культа.

Благодарности

Работа выполнена в рамках финансирования Комитета науки МОН РК, ИРН проекта BR05236565. Благодарим С.В. Святко (14Хроно Центр Королевского университета Белфаста, Великобритания) за ценные консультации по вопросам 14С датирования.

Библиографический список

- Акишев А.К. Бронзовая бляшка из Павлодарского Прииртышья // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата : Наука, 1976. С. 183–195.
- Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Алматы : «Остров Крым», 2013. 64 с.
- Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации. Алматы : «Остров Крым», 2014. 360 с.: ил.
- Алтынбеков К. Уржарская жрица: история возрождения уникальной находки. Алматы : «Остров Крым», 2018. 94 с.: ил.
- Алтынбекова Э.К. О реставрации и реконструкции археологических артефактов в лаборатории «Остров Крым» // Казахстан в сакскую эпоху: коллективная монография. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 211–223.
- Байтанаев Б.А. Курган Урджар: история открытия и некоторые итоги исследования // Археология Казахстана. 2019. №2 (4). С. 9–22.
- Баркова Л.Л. Изображение петуха в искусстве древнего Алтая // АСГЭ. 2015. Вып. 40. С. 143–156.
- Баркова Л.Л. Большой войлочный ковер из Пятого Пазырыкского кургана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб. : Культ-информ-пресс, 1998. С. 137–142.
- Баскунчак. Фотоальбом-путеводитель / под общ. ред. А.П. Лактионова. Астрахань : издатель А.В. Малышкин, 2012. 143 с.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Искусство саков Сарыарки. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 180 с.
- Вдовченков Е.В., Ли Джы Ын Пусан. Образ мирового древа в погребении хазарского времени в Подонье и на корейских диадемах: проблема культурных контактов на территории Евразии // Вестник НВГУ. Всеобщая история. 2018. №4. С. 82–92.
- Гаврилова А.А. Пятый Пазырыкский курган. Дополнение к раскопному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб. : Скифо-Сибирика, 1996. С. 89–101.
- Геродот. История в 9 книгах. Кн. 2. Л. : Наука, 1972. 600 с.
- Гугуев В.К. Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.) // ВДИ. 1992. №4 (203). С. 116–129.
- Дашковский П.К., Усова И.А. Семантика головных уборов «пазырыкцев» Алтая (по материалам могильника Ханкаринский дол) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. Ч. 1. С. 304–306.
- Дашковский П.К., Новикова О.Г. Китайские лаки из могильника скифской эпохи Чинета-II (Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, №4. С. 116–126. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.000-000.
- Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Высокохудожественная вышивка в декоре конского снаряжения из элитного погребения в Казахском Алтае // Поволжская археология. 2019. №3 (29). С. 115–127. DOI: 10.24852/ра2019.3.29.115.127.
- Дракон и Феникс в китайской культуре. URL: <http://russian.cri.cn/beijing/history/487/20180305/98481.html> (дата обращения 29.01.2020).
- Замятина Н. Удивительные папоротники // Наука и жизнь. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/10568/> (дата обращения 29.01.2020).
- Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. СПб. : Гос. Эрмитаж, 2011. 328 с.
- «Затерянный мир» Поволжья // АиФ. Самара. URL: <https://samara.aif.ru/archive/1793877> (дата обращения 29.01.2020).
- Золотые олени Евразии. СПб. : Гос. Эрмитаж; Славия, 2003. 62 с.
- Ишбулдина К.Р. Магические функции женских украшений народов Средней Азии // Лавровский сборник. СПб. : МАЭ РАН, 2013. С. 237–242.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата : Наука, 1976. С. 137–156.

Кармышева Б.Х. К вопросу об украшениях из птичьих перьев у народов Средней Азии и Казахстана // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус : Каракалпакстан, 1989. С. 27–40.

Кисель В.А. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г.В. Длужневской). СПб. : ИИМК РАН, 2018. С. 120–127.

Клейн Л.С. Полное издание Новочеркасского клада (Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб. : ГЭ, 2011. 328 с.) // Российский археологический ежегодник. 2013. №3. С. 634–636.

Конвенция о мигрирующих видах. Меморандум о взаимопонимании относительно сохранения, восстановления и устойчивого использования антилопы сайги 30 сентября 2015 г. URL: https://www.cms.int/sites/default/files/document/Saiga%20MOS3_Overview_Report_of_Conservation_Status_Rus.pdf (дата обращения 29.01.2020).

Король Г.Г., Конькова Л.В. Коллекция первой трети XIX в. из Эрмитажа: средневековая торевтика малых форм с Алтая // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово : Кузбассвузиздат, 2012. С. 121–156 (Труды САИПИ. Вып. IX).

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 304 с.

Курган Урджар: книга-альбом / сост. Б.А. Байтанаев. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2018. 120 с.

Митько О.А. Образ грифона в искусстве народов Евразии в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 7–10.

Наурузумский государственный природный заповедник // НИИ центр проблем экологии и биологии КГПИ. URL: <https://nic-peb.kspi.kz/ru/2016-04-29-09-59-22/naurzumskij-gosudarstvennyj-prirodnij-zapovednik.html> (дата обращения 29.01.2020).

Папоротник // Официальный интернет-ресурс Акимата Наурузумского района. – URL: <http://naurzum.kostanay.gov.kz/uchrezhdeniya-rayona/naurzumskiy-gosudarstvennyy-prirodnuy-zapovednik/flora-i-fauna/> (дата обращения 29.01.2020).

Полидович Ю.Б. Образы фантастических животных в искусстве народов скифского мира // До-нецкий археологічний збірник. 2014/2015. №18/19. С. 149–201.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль «пазырыкцев» Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск : Наука, 1994. 125 с.

Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб. : Наука, 2011. 452 с., ил.

Решетов А.М. Фэнхуан (феникс) в культурной традиции китайцев // Электронная библиотека МАЭ РАН. С. 287–291. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-135-0/978-5-88431-135-0_63.pdf (дата обращения 29.01.2020).

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 402 с. + 120 табл.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 360 с. + 128 табл.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 52 с. + 27 табл. (САИ. ДЗ-9).

Сеитов А.М. Степи Торгая в раннесакское время: к постановке проблемы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы : Бегазы-Тасмола, 2015. С. 264–270.

Смагулов Т.Н. Предисловие // Алтынбеков К. Уржарская жрица: история возрождения уникальной находки. Алматы : «Остров Крым», 2018. С. 8–10.

Таиров А.Д. Комплекс раннесакского времени кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы : Бегазы-Тасмола, 2015. С. 300–319.

Тасмагамбетов И.Н. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. Алматы : Общественный фонд «Берел», 2003. 336 с.: ил.

Фауна Наурзумского заповедника // Наурзумский национальный природный заповедник. Костанайская область. URL: <https://silkadv.com/ru/node/984> (дата обращения 29.01.2020).

Филимонова Е.Н. Символика животных в переводных произведениях. «Священные» животные (на материале переводов с корейского и китайского языков) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М. : МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 59–82.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М. : Наука, 1981. 608 с. с ил. (Культура народов Востока).

Шульга П.И. Жреческие парные захоронения с зеркалами погребушками (к постановке проблемы) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. 1999. №4. С. 88–99.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с., ил. Чистякова А.Н. «Феникс» в мифологизированных описаниях (по материалам мифов и сказок Китая) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. С. 179–188.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. 500 с.

Яблонский Л.Т. Очерк археологии ранних саков Нижней Сырдарьи // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2017. Т. 1, №311. С. 64–75.

Яценко С.А. Загадочные монстры «пазырыкцев» и китайская мифология эпохи Чжоу // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: матер. междунар. конф. (г. СПб., 12–15 марта 1996 г.). СПб. : Скифо-Сибирика, 1996. С. 154–158.

References

Akishev A.K. Bronzovaya blyashka iz Pavlodarskogo Priirtysh'ya [Bronze Plaque from the Pavlodar Irtysh River Region]. Proshloe Kazakhstana po arheologicheskim istochnikam [The Past of Kazakhstan by Archaeological Sources]. Alma-Ata : Nauka, 1976. Pp. 183–195.

Altynbekov K. Vozrozhdenneya iz pepla [Reborn from the Ashes]. Almaty : «Ostrov Krym», 2013. 64 p.

Altynbekov K. Vozrozhdenneye sokrovishcha Kazakhstana: opyt nauchnoj restavratsii [Revived Treasures of Kazakhstan: the Experience of Scientific Restoration]. Almaty : «Ostrov Krym», 2014. 360 p.: il.

Altynbekov K. Urzharskaya zhrica: istoriya vozrozhdeniya unikal'noj nahodki [Urzhar Priestess: the Story of the Revival of a Unique Find]. Almaty : «Ostrov Krym», 2018. 94 p.: il.

Altynbekova E.K. O restavratsii i rekonstrukcii arheologicheskikh artefaktov v laboratorii «Ostrov Krym» [About Restoration and Reconstruction of Archaeological Artifacts in the Laboratory “Ostrov Krym”]. Kazakhstan v saksuyu epohu: kollektivnaya monografiya [Kazakhstan in the Saka Era: Collective Monograph]. Almaty : A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2017. Pp. 211–223.

Baitanayev B.A. Kurgan Urdzhar: istoriya otkrytiya i nekotorye itogi issledovaniya [Kurgan Urjar: History of Discovery and Some Research Results]. Arheologiya Kazakhstana [Archaeology of Kazakhstan]. 2019. №2 (4). Pp. 9–22.

Barkova L.L. Izobrazhenie petuha v iskusstve drevnego Altaya [The Image of a Rooster in the Art of Ancient Altai]. Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological Collection of the State Hermitage]. 2015. Vyp. 40. Pp. 143–156.

Barkova L.L. Bol'shoj vojlochnyj kovyor iz Pyatogo Pazyrykskogo kurgana [Large Felt Carpet from the Fifth Pazyryk Barrow]. Drevnie kul'tury Central'noj Azii i Sankt-Peterburg [Ancient Cultures of Central Asia and St. Petersburg]. SPb. : Kul't-inform-press, 1998. Pp. 137–142.

Baskunchak. Fotoal'bom-putevoditel' / pod obshch. red. A.P. Laktionova [Baskunchak. Photo Album Guide under ed. A.P. Laktionov]. Astrakhan : izdatel' A.V. Malyshekin, 2012. 143 p.

Beisenov A.Z., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A. Iskusstvo sakov Saryarki [The Art of the Saryarka Sakas]. Almaty : A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2015. 180 p.

Vdovchenkov E.V., Li Dzhy Yn Pusan. Obraz mirovogo dreva v pogrebenii hazarskogo vremeni v Podon'e i na korejskikh diademah: problema kul'turnyh kontaktov na territorii Evrazii [The Image of the World Tree in the

Burial of the Khazar Time in the Don River Region and on the Korean Diadem: the Problem of Cultural Contacts in Eurasia]. *Vestnik NVGU [Bulletin of Nizhnevartovsk State University]*. 2018. №4. Pp. 82–92.

Gavrilova A.A. Pyatyj Pazyrykskij kurgan. Dopolnenie k raskopochnomu otchetu i istoricheskie vyvody [Fifth Pazyryk Barrow. Addition to the Excavation Report and Historical Finds]. *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epohu [Priesthood and Shamanism in the Scythian Era]*. SPb : Skifo-Sibirika, 1996. Pp. 89–101.

Gerodot. *Istoriya v 9 knigah. Kn. 2 [Herodotus. History in 9 Books. Book 2]*. L. : Nauka, 1972. 600 p.

Guguev V.K. Kobyakovskij kurgan (K voprosu o vostochnyh vliyaniyah na kul'turu sarmatov I v. n.e. – nachala II v. n.e.) [Kobyakovsky Barrow (On the Issue of Oriental Influences on the Sarmatian Culture of the 1st Century AD – Beginning of the 2nd Century AD)]. *Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History]*. 1992. №4 (203). Pp. 116–129.

Dashkovskij P.K., Usova I.A. Semantika golovnyh uborov «pazyrykcev» Altaya (po materialam mogil'nika Hankarinskij dol) [The Semantics of the Headdresses of the “Pazyryk People” of Altai (based on materials from the Khankarinsky Dol burial ground)]. *Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij [Integration of Archaeological and Ethnographic Research: a Collection of Scientific Papers]*. Kazan' : Institute of History named after Sh. Mardzhani AN RT, 2010. Part 1. Pp. 304–306.

Dashkovskij P.K., Novikova O.G. Kitayskie laki iz mogilnika ckifskoj epohi Chineta II (Altaj) [Chinese Lacquer from the Cemetery of the Scythian Era Chinet II (Altai)]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*. 2017. T. 45, №4. Pp. 116–126. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.000-000.

Jumabekova G.S., Bazarbaeva G.A. Vysokohudozhestvennaya vyshivka v dekore konskogo snaryazheniya iz elitnogo pogrebeniya v Kazahskom Altae [Highly-Artistic Embroidery in the Decor of Horse Equipment from the Elite Burial in Kazakh Altai]. *Povolzhskaya arheologiya [The Volga River Region Archaeology]*. 2019. №3 (29). Pp. 115–127. DOI: 10.24852/pa2019.3.29.115.127.

Drakon i Feniks v kitajskoj kul'ture [Dragon and Phoenix in the Chinese Culture]. URL: <http://russian.cri.cn/beijing/history/487/20180305/98481.html>.

Zamyatina N. Udivitel'nye paporotniki [Amazing Ferns]. *Nauka i zhizn' [Science and Life]*. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/10568/>.

Zaseckaya I.P. Sokrovishcha kurgana Hohlach [Treasures of the Khokhlach Mound]. SPb. : GosErmitazh, 2011. 328 p.

«Zateryannyj mir» Povolzh'ya [“The Lost World” of the Volga River Region]. AiF. Samara. URL: <https://samara.aif.ru/archive/1793877>.

Zolotyje oleni Evrazii [Golden Deer of Eurasia]. SPb. : GosErmitazh; Slaviya, 2003. 62 p.

Ishbul'dina K.R. Magicheskie funkcii zhenskikh ukrashenij narodov Srednej Azii [The Magical Functions of Female Jewelry of the Peoples of Central Asia]. *Lavrovskij sbornik [Lavrovsky Collection]*. SPb. : MAE RAN, 2013. Pp. 237–242.

Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh.K. Zahoroneniya voinov savromatskogo vremeni na levoberezh'e r. Ilek [Graves of Soldiers of the Savromat Time on the Left Bank of the Ilek River]. *Proshloe Kazahstana po arheologicheskim istochnikam [The Past of Kazakhstan by Archaeological Sources]*. Alma-Ata : Nauka, 1976. Pp. 137–156.

Karmysheva B.H. K voprosu ob ukrasheniyah iz ptich'ih per'ev u narodov Srednej Azii i Kazahstana [On the Issue of Bird Feather Ornaments among the Peoples of Central Asia and Kazakhstan]. *Etnicheskaya istoriya i tradicionnaya kul'tura narodov Srednej Azii i Kazahstana [Ethnic History and Traditional Culture of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan]*. Nukus : Karakalpakstan, 1989. Pp. 27–40.

Kisel' V.A. Zhenskij ritual'nyj kostyum v drevnej kochevoj kul'ture Tuvy [Female Ritual Costume in the Ancient Nomadic Culture of Tuva]. *Pamyatniki arheologii v issledovaniyah i fotografiiyah (pamyati G.V. Dluzhnevskoj) [Archeology in Research and Photographs (in memory of G.V. Dluzhnevskaya)]*. SPb. : IIMK RAN, 2018. Pp. 120–127.

Klejn L.S. Polnoe izdanie Novoherkasskogo klada (Zaseckaya I.P. Sokrovishcha kurgana Hohlach. Novoherkasskij klad. SPb. : GE, 2011. 328 s.) [Full Publication of the Novoherkassk Treasure (Zaseckaya I.P. Treasures of the Khokhlach mound. Novoherkassk treasure. St. Petersburg : GE, 2011. 328 p.)]. *Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook]*. 2013. №3. Pp. 634–636.

Konvenciya o migriruyushchih vidah. Memorandum o vzaimoponimanii odnositel'no sohraneniya, vosstanovleniya i ustojchivogo ispol'zovaniya antilopy sajgi 30 sentyabrya 2015 g. [Convention on Migration, Conservation and Sustainable Use of the Saiga Antelope].

tory Species. Memorandum of Mutual Understanding regarding the Conservation, Restoration and Sustainable Use of the Saiga Antelope on September 30, 2015]. URL: https://www.cms.int/sites/default/files/document/Saiga%20MOS3_Overview_Report_of_Conservation_Status_Rus.pdf

Korol' G.G., Kon'kova L.V. Kolleksiya pervoj treti XIX v. iz Ermitazha: srednevekovaya torevtika malyh form s Altaya [The Collection of the First Third of the 19th Century from the Hermitage: Medieval Toreutics of Small Forms from Altai]. Izobrazitel'nye i tehnologicheskie tradicii v iskusstve Severnoj i Central'noj Azii [Graphic and Technological Traditions in the Art of North and Central Asia]. M.; Kemeroovo : Kuzbassvuzizdat, 2012. Trudy SAIPI. Vyp. IX. Pp. 121–156.

Korol'kova E.F. Zverinyj stil' Evrazii. Iskusstvo plemyon Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epohu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokul'turnoj prinadlezhnosti [Animal Style of Eurasia. The Art of the Tribes of the Lower Volga and Southern Cisurals in the Scythian era (the 7th – 4th Centuries BC). Problems of Style and Ethno-Cultural Affiliation]. SPb. : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. 272 p.

Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka [Mounds of Ulandryk]. Novosibirsk : Nauka, 1987. 304 p.

Kurgan Urdzhar: kniga-al'bom [Kurgan Urjar: Album Book]. Comp. B.A. Bajtanaev. Almaty : A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2018. 120 p.

Mit'ko O.A. Obraz grifona v iskusstve narodov Evrazii v drevnetyurkskuyu epohu [The Image of the Griffin in the Art of the Peoples of Eurasia in the Ancient Turkic Era]. Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnih civilizacij [Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations]. Vyp. 2. Novosibirsk : NGU, 1999. Pp. 7–10.

Naurzumskij gosudarstvennyj prirodnyj zapovednik [Naurzum State Nature Reserve]. NII centr problem ekologii i biologii KGPI [Research Institute Center for Ecology and Biology Problems KSPI]. URL: <https://nic-peb.kspi.kz/ru/2016-04-29-09-59-22/naurzumskij-gosudarstvennyj-prirodnyj-zapovednik.html>

Paporotnik [Fern]. Oficial'nyj internet-resurs Akimata Naurzumskogo rajona [The Official Internet Resource of Akimat of Naurzum District]. URL: <http://naurzum.kostanay.gov.kz/uchrezhdeniya-rayona/naurzumskiy-gosudarstvennyy-prirodnyy-zapovednik/flora-i-fauna/>

Polidovich Yu.B. Obrazy fantasticheskikh zhyvotnyh v iskusstve narodov skifskogo mira [Images of Fantastic Animals in the Art of the Peoples of the Scythian World]. Donec'kij arheologichnyj zbirnik [Donetsk Archaeological Collection]. 2014/2015. №18/19. Pp. 149–201.

Polos'mak N.V., Barkova L.L. Kostyum i tekstil' pazyrykcev Altaya (IV–III vv. do n.e.) [Costume and Textiles of the Pazyryk People of Altai (the 4th – 3rd centuries BC)]. Novosibirsk : INFOLIO, 2005. 232 p.

Polos'mak N.V. «Steregushchie zoloto gryfy» (ak-alahinskie kurgany) [“Vultures Guarding Gold” (Ak-Alakha barrows)]. Novosibirsk : Nauka, 1994. 125 p.

Prishchepova V.A. Illyustrativnye kollekcii po narodam Central'noj Azii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka v sobraniyah Kunstkamery [Illustrative Collections on the Peoples of Central Asia of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries in the Collections of the Kunstkamera]. SPb. : Nauka, 2011. 452 p., il.

Reshetov A.M. Fenhuan (feniks) v kul'turnoj tradicii kitajcev [Fenghuang (phoenix) in the Cultural Tradition of the Chinese]. Elektronnaya biblioteka MAE RAN [e-Library of MAE RAN]. Pp. 287–291. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-135-0/978-5-88431-135-0_63.pdf

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya [The Culture of the Population of Gorny Altai in Scythian time]. M.; L. : AN SSSR, 1953. 402 p. + 120 tabl.

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Central'nogo Altaya v skifskoe vremya [The Culture of the Population of Central Altai in the Scythian Time]. M.; L. : AN SSSR, 1960. 360 p. + 128 tabl.

Rudenko S.I. Sibirskaya kollekciya Petra I [Siberian Collection of Peter I]. Svod arheologicheskikh istochnikov [Archaeological Sources]. D3-9. M.; L., 1962. 52 p.+27 tabl.

Seitov A.M. Stepi Torgaya v rannesakskoe vremya: k postanovke problemy [The Steppes of the Trade in Early Saka Time: to the Statement of the Problem]. Saksakaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokul'turnyh processov Stepnoj Evrazii [Saka Culture of the Saryarka in the Context of the Study of Ethnosocial and Cultural Processes of Steppe Eurasia]. Almaty : Begazy-Tasmola, 2015. Pp. 264–270.

Smagulov T.N. Predislovie [Foreword]. Altynbekov K. Urzharskaya zhrica: istoriya vozrozhdeniya unikal'noj nahodki [Urzhar Priestess: the Story of the Revival of a Unique Find]. Almaty : «Ostrov Krym», 2018. Pp. 8–10.

Tairov A.D. Kompleks rannesakskogo vremeni kurgana 5 mogil'nika Kichigino I v Yuzhnom Zaural'e [The Early Saka Time Complex of Burial Mound 5 of Kichigino I Burial Ground in the South Trans-Urals]. Saksakaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokul'turnyh processov Stepnoj Evrazii [Saka

Culture of the Saryarka in the Context of the Study of Ethnosociocultural Processes of Step Eurasia]. Almaty : Begazy-Tasmola, 2015. Pp. 300–319.

Tasmagambetov I.N. Kentavry Velikoj stepi. Hudozhstvennaya kul'tura drevnih kochevnikov [Centuars of the Great Steppe. The Art Culture of the Ancient Nomads]. Almaty : Obshchestvennyj fond «Berel», 2003. 336 p.: il.

Fauna Naurzumskogo zapovednika. [Fauna of the Naurzum reserve]. Naurzumskij nacional'nyj prirodnyj zapovednik. Kostanajskaya oblast' [Naurzum National Nature Reserve. The Kostanay Region]. URL: <https://silkadv.com/ru/node/984>.

Filimonova E.N. Simvolika zhivotnyh v perevodnyh proizvedeniyah. «Svyashchennye» zhivotnye (na materiale perevodov s korejskogo i kitajskogo yazykov) [Symbolism of Animals in Translated Works. “Sacred” Animals (based on translations from Korean and Chinese)]. Yazyk, soznanie, kommunikaciya [Language, Consciousness, Communication]. M. : MAKS Press, 2004. Vyp. 26. Pp. 59–82.

Shefer E. Zolotyie persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnyh dikovinah v imperii Tan [Golden Peaches of Samarkand. A Book about Foreign Wonders in the Tang Empire]. M. : Nauka, 1981. 608 p.: il.

Shul'ga P.I. Zhrechieskie parnye zahoroneniya s zerkalami pogremushkami (k postanovke problemy) [Priestly Paired Burials with Rattles Mirrors (to the statement of the problem)]. Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arheologii [Antiquities of Altai. Izvestia laboratory of archeology]. 1999. №4. Pp. 88–99.

Shul'ga P.I. Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a [Burial Ground of the Scythian Time Lokot-4a]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 204 p., il.

Chistyakova A.N. «Feniks» v mifologizirovannyh opisaniyah (po materialam mifov i skazok Kitaya) [“Phoenix” in Mythologized Descriptions (based on the materials of myths and fairy tales of China)]. Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2007. T. 6, vyp. 3. Pp. 179–188.

Chugunov K.V., Parcinger G., Nagler A. Carskij kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve [Tsarskij Barrow of Scythian Time Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2017. 500 p.

Yablonskij L.T. Ocherk arheologii rannih sakov Nizhnej Syrdar'I [Essay on the Archaeology of the Early Saks of the Lower Syr Darya]. Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. nauk [Bulletin of the NAS of the Republic of Kazakhstan. Ser. societies. Sciences]. 2017. Vol. 1, №311. Pp. 64–75.

Yacenko S.A. Zagadochnye monstry pazyrykcev i kitajskaya mifologiya epohi Chzhou [Mysterious Monsters of the Pazyryk and Chinese Mythology of the Zhou Era]. Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epohu [Priesthood and Shamanism in the Scythian Era]. SPb. : Skifo-Sibirika, 1996. Pp. 154–158.

G.S. Jumabekova, G.A. Bazarbayeva

A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

“FIERCE BIRDS WITH FIERY FEATHERS”

The article presents an attempt to identify a fantastic bird placed on the crown of a woman buried under the mound of Tarasyk in East Kazakhstan. The mound was explored by the expedition of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology. The reconstruction of a woman's costume, made in the scientific restoration laboratory “Ostrov Krym” headed by K. Altynbekov, was taken as a reference. In the decoration of the crown on the buried woman's head, there are two zoomorphic images of a bird and a saiga. They were set according to the principle of heraldic composition, with an image of phoenix as the central element, and a pair of saigas as the other two symmetrically arranged figures. The crown was complemented by pendants. This reconstruction is the result of the tedious work, and the greatest creation of employees of the laboratory “Ostrov Krym”. It supports and expands the existing portrayal of the Early Iron Age women. The site is dated to the 5th–4th c. BC. The received data show that the ancient population of East Kazakhstan and Altai was familiar with the image of a phoenix. The latter is related to the ideas of eternal life and renovation, and also apparently marks the status of the buried, who could perform certain rituals. The headdress from the Tasaryk demonstrates the synthesis of traditions of Saks of Jetysu and Pazyryk.

Key words: headdress, crown, bird, polymorphic creature, Pazyryk Culture